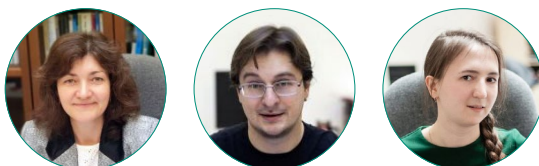

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2359](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2359)

Е. В. Пруцкова, И. В. Павлюткин, О. Н. Борисова

СВЯЗЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ И РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ НА ФОНЕ ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН: ЭФФЕКТ СОЦИАЛЬНОГО КОНТЕКСТА

Правильная ссылка на статью:

Пруцкова Е. В., Павлюткин И. В., Борисова О. Н. Связь религиозности и рождаемости в России на фоне других европейских стран: эффект социального контекста // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 103—126. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2359>.

For citation:

Prutskova E. V., Pavlyutkin I. V., Borisova O. N. (2023) Religiosity and Fertility in Russia and Other European Countries: The Effect of Social Context. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 103–126. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2359>. (In Russ.)

Получено: 25.12.2022. Принято к публикации: 27.02.2023.

СВЯЗЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ И РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ НА ФОНЕ ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН: ЭФФЕКТ СОЦИАЛЬНОГО КОНТЕКСТА

RELIGIOSITY AND FERTILITY IN RUSSIA AND OTHER EUROPEAN COUNTRIES: THE EFFECT OF SOCIAL CONTEXT

ПРУЦКОВА Елена Викторовна — кандидат философских наук, научный сотрудник научной лаборатории «Социология религии», старший преподаватель кафедры философии и религиоведения, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
E-MAIL: evprutskova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9969-0536>

*Elena V. PRUTSKOVA*¹ — *Cand. Sci. (Philos.)*, Research fellow at the “Sociology of Religion” Laboratory; Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Religious Studies
E-MAIL: evprutskova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9969-0536>

ПАВЛЮТКИН Иван Владимирович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник научной лаборатории «Социология религии», Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
E-MAIL: euhominid@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1077-6377>

*Ivan V. PAVLYUTKIN*¹ — *Cand. Sci. (Soc.)*, Senior Research Fellow at the “Sociology of Religion” Laboratory
E-MAIL: euhominid@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1077-6377>

БОРИСОВА Ольга Николаевна — научный сотрудник научной лаборатории «Социология религии», Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
E-MAIL: hevel.boriska@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2804-5951>

*Olga N. BORISOVA*¹ — Research fellow at the “Sociology of Religion” Laboratory
E-MAIL: hevel.boriska@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2804-5951>

Аннотация. На фоне процессов секуляризации и ослабления связи между религиозностью и рождаемостью увеличиваются различия между конфессиями и регионами Европы, и перспективной становится задача поиска факторов, отвечающих за ее усиление или ослабление. В статье на данных трех волн Европейского исследования ценностей (1999, 2008, 2018) в 39 странах анализируется значение социального контекста и религиозной социализации для объяснения

Abstract. The differences across religions and regions of Europe are growing against the background of secularization processes and the weakening connection between religiosity and fertility. This causes interest in the factors responsible for the strengthening or weakening of the connection between religiosity and fertility. Based on data from three waves of the European Values Study (1999, 2008, 2018) in 39 countries, this study analyzes the role of the social context and religious socialization in ex-

¹ St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia

специфики связи между религиозностью и количеством детей для России и постсоветских стран с доминированием православного населения на фоне других регионов Европы.

Результаты многоуровневого регрессионного анализа показывают, что уровень первичной религиозной социализации (регулярное посещение религиозных служб в период взросления) и поддерживающий религиозный контекст (средний уровень религиозности в стране) усиливают связь индивидуальной религиозности и количества детей. Полученный результат позволяет объяснить слабую связь между религиозностью и рождаемостью для постсоветских стран с доминированием православного населения. Западноевропейские страны, считающиеся сегодня центром процессов секуляризации, до сих пор имеют значительные «очаги» институционального влияния религии на рождаемость, связанные с семейными и образовательными институтами. Восточноевропейские и постсоветские страны, несмотря на наблюдаемый процесс «религиозного возрождения» в 1990-е и 2000-е годы, не сформировали развитые институты религиозной социализации, которые отвечают за семейный образ жизни и отражаются в демографических моделях связи религиозности и рождаемости.

Ключевые слова: рождаемость, религиозность, религиозная социализация, религиозный социальный контекст, Европейское исследование ценностей

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-78-10089, <https://>

explaining the specifics of the relationship between religiosity and childbearing for Russia and other post-Soviet countries with the dominance of the Orthodox population in comparison with other regions of Europe.

The results of a multilevel regression analysis show that the level of primary religious socialization (regular attendance at religious services at the age of 12 years old) and a supportive religious context (the average level of religiosity in the country) increase the connection between individual religiosity and the number of children. This explains the weak relationship between religiosity and fertility in post-Soviet countries with the dominance of the Orthodox population. Western European countries, which today are considered the center of secularization processes, still have significant “foci” of the institutional influence of religion on fertility, associated with family and educational institutions. Eastern European and post-Soviet countries, despite the observed process of the “religious revival” in the 1990s and 2000s, did not form developed institutions of religious socialization responsible for family lifestyle. This is reflected in demographic models of connection between religiosity and fertility.

Keywords: fertility, religiosity, religious socialization, religious social context, European Values Study

Acknowledgments. The project was supported by the Russian Science Foundation in a form of a grant (project № 18-

rscf.ru/project/18-78-10089/. Организация выполнения проекта — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Благодарим анонимных рецензентов за ценные комментарии и советы.

7810089, <https://rscf.ru/en/project/18-78-10089/>). The grant was given to Saint Tikhon's Orthodox University. The authors of the study are grateful to anonymous reviewers for valuable comments and advice.

Введение

Исследования показывают положительную связь религиозности и рождаемости в различных странах и регионах Европы. Так, религиозность статистически положительно влияет на количество рожденных детей в браке, на представления об идеальном и желаемом количестве детей, а также на установки и намерения родить еще одного ребенка [Adsera, 2006; Berghammer, 2009; Buber-Ennser, Berghammer, 2021; Derosas, Van Poppel, 2006; DeRose, 2021; Frejka, Westoff, 2008; Heaton, 2011; Heineck, 2012; Herzer, 2019; Peri-Rotem, 2016; Philippov, Berghammer, 2007; Terämä, 2010]. Сложно найти еще один такой фактор, который бы демонстрировал устойчивое и воспроизводимое влияние в исследованиях последних 50 лет, несмотря на то что его значение в масштабах обществ постепенно снижается и становится более нелинейным.

Общее ослабление корреляции между религиозностью и рождаемостью в Европе сопровождается усилением различий между конфессиями и регионами, что указывает на увеличение вариативности форм связи и приводит к необходимости поиска факторов, объясняющих эту вариативность. Например, все чаще подтверждается снижение значимости религиозного влияния, когда речь идет о рождаемости среди католиков в сравнении с протестантами [Herzer, 2019]. На фоне христианских конфессий Европы традиционно католические страны, изначально выделявшиеся сильным сцеплением религии и фертильности, сегодня демонстрируют более низкие показатели и скромный вклад религии в итоговую рождаемость (несмотря на относительно высокие показатели рождаемости высокорелигиозных групп) [Berman, Iannaccone, Ragusa, 2018; Herzer, 2019; Mogi, Esteve, Skirbekk, 2022]. Сюда же можно отнести различия во влиянии аспектов религиозности на рождаемость между Западным, Центральным и Восточным регионами Европы. Например, в исследовании И. Бубер-Эннсер и К. Бергхаммер зафиксировано, что уровень реализации намерений в отношении количества детей намного выше в Западной Европе (около 40—50%), чем в странах ЦВЕ (около 20—30%), при этом влияние религиозности в целом слабое и непостоянное [Buber-Ennser, Berghammer, 2021]. Одно из предположений, объясняющих данные различия, связано с неоднородностью процессов секуляризации в XX веке в разных европейских регионах («естественная» и «форсированная» секуляризация).

В ситуации слабого сцепления между религиозностью и рождаемостью важно понимать, какие модулирующие, или «третьи», факторы усиливают или ослабляют влияние религиозности на рождаемость в масштабах обществ. Например, в ряде исследований эффект религиозной аффилиации варьируется в зависимости от образования [de la Croix, Delavallade, 2018; Peri-Rotem, 2020].

В публикациях на российских данных было показано, что количество детей в религиозных семьях немного выше, а религиозность объясняет повышение численности многодетных семей, влияет на вторые и последующие рождения [Борисова, Павлюткин, 2019; Карабчук, Кечетова, 2017; Рощина, 2018]. Однако этот результат нельзя назвать устойчивым, поскольку в других исследованиях, а также при сравнении разных возрастных когорт эта связь не обнаруживается [Малева, Синявская, 2007; Захаров, Чурилова, 2022]. В целом, по мнению демографов, современная Россия как кейс влияния православия на рождаемость и выявления модерлирующих факторов остается малоизученной [Buber-Ennser, Berghammer, 2021].

В данной статье рассматриваются возможные подходы к объяснению причин, дифференцирующих характер связи религиозности и рождаемости в разных странах Европы. Это важно и для понимания специфики российской модели связи. Для достижения поставленной цели применяется социально-контекстный подход, предложенный Р. Старком [Stark, 1996]. Он исходит из того, что религиозность оказывает влияние на ценности и нормы, только если она принимается большинством населения как общезначимое основание для действия. Также мы опираемся на институциональный подход К. МакКвиллана [McQuillan, 2004], акцентирующий важность социально-религиозного контекста для рождаемости.

Религия и рождаемость: важность социального контекста

Рассматривая противоречивые результаты исследований влияния религиозности на правонарушения, Р. Старк предложил отказаться от предпосылки, что религиозность — это в первую очередь индивидуальная характеристика, и заменить ее предпосылкой, что религия — это прежде всего социальный феномен [Stark, 1996]. Действительно, согласно результатам его исследования, религиозность оказывает влияние только в поддерживающем социально-религиозном контексте.

Существует не так много исследований, которые одновременно учитывали бы влияние религиозности на рождаемость на двух уровнях — индивидуальном и контекстуальном. Примечательно, что со времени проведения В. Лутцем масштабного анализа данных по 128 странам [Lutz, 1987], который еще тогда стал маркером малого числа работ подобного рода, за три с лишним десятка лет ситуация изменилась незначительно. Обычно, если и проводится межстрановой анализ, он ограничивается уровнем таблиц сопряженности со сравнением различных религиозных деноминаций внутри определенных стран или сравнением показателей религиозности и рождаемости на выборке из нескольких стран [Adsera, 2006; Frejka, Westoff, 2008, Philipov, Berghammer, 2007]. Между тем вне зависимости от индивидуальной веры доминантная религия и уровень религиозности в стране могут быть мощной культурной силой, которая формирует индивидуальные установки и поведение в области рождаемости [Skirbekk, 2022].

В. Лутц представил масштабную макросоциологическую модель объяснения различий в рождаемости, куда наряду с религиозностью включил показатели, связанные с уровнем социально-экономического развития (развитость экономики, систем образования и здравоохранения, рынка труда) [Lutz, 1987]. В целом меньшая развитость экономики сопряжена с более низким уровнем использо-

вания контрацепции, низким уровнем образованности, а также вовлеченности женщин в рынок труда. Однако, несмотря на то что рождаемость негативно скоррелирована с образованием, ВВП и уровнем контрацепции, а положительно — с религиозностью, для Западной Европы характерно увеличение рождаемости с уровнем образованности, и снижение — с уровнем религиозности [Götmark, Andersson, 2020]. Более того, страны с наиболее высокими показателями занятости на рынке труда и низкой религиозностью демонстрируют наивысшие показатели рождаемости [Coleman, 2004; Guetto et al., 2015]. На неоднозначность связи между уровнем рождаемости и ВВП также указывают и другие известные исследования [Sobotka, Skirbekk, Philipov 2011]. Анализируя условия взаимосвязи религии и рождаемости, К. МакКвиллан предположил, что, поскольку религия функционирует в условиях прочих институтов, ее влияние на рождаемость в значительной мере опосредуется институциональным контекстом [McQuillan, 2004]. В частности, автор указывает, что религиозность может оказывать положительное влияние только при соблюдении трех условий: наличие артикулированных норм в сфере рождаемости и семьи (пронатализм), развитость религиозных институтов (и положение церкви в обществе), позволяющее иметь рычаги влияния для поддержания этих норм, чувство принадлежности к религиозному сообществу как важная часть идентичности его членов [McQuillan, 2004]. Иными словами, для «эффективного влияния» нормативная составляющая религиозности обязательно должна подкрепляться развитыми институтами.

Вслед за К. МакКвилланом предпринимались попытки включать в анализ развитость и характер влияния религиозных институтов. Например, в статье Е. Бермана, Л. Ианнаконе и Дж. Рагусы [Berman, Iannaccone, Ragusa, 2018] снижение рождаемости в католических странах (Италия, Франция) объяснялось не столько снижением общей религиозности среди католиков, сколько уменьшением предоставления социальных услуг, связанных с заботой о детях, обеспеченных Католической церковью. Такие услуги значимо снижали издержки семей с детьми на уровне целого общества в середине XX века. Показателем данного процесса служило количество монахинь, которые были основными поставщиками подобных услуг. В то же время за передачу пронаталистской нормы отвечало количество священников в стране, но оно не имело такого эффекта на рождаемость.

Различия могут фиксироваться на региональном уровне внутри одной страны [Coleman, Dubuc, 2010; van Poppel, 1985; Terämä, 2010]. Культурная принадлежность к региону, концентрация определенной религии или этнического меньшинства способны повышать общие показатели локальной рождаемости. В одном из исследований была выявлена сильная корреляция между уровнем религиозности в регионе и долей семей с большим количеством детей, а связи с уровнем образования в регионе и безработицей не наблюдалось [Terämä, 2010].

Альтернативой гипотезам Р. Старка и К. МакКвиллана о важности поддерживающего религиозного контекста является предположение о более сильном влиянии религиозности в секулярном социальном контексте, поскольку религиозные люди в таком обществе ощущают отличие своих ценностей, норм и поведения и должны их некоторым образом актуализировать и обосновывать [Blekesaune, Skirbekk, 2022]. Например, было показано, что влияние религиозности на рож-

даемость может становиться более выраженным в более секуляризованных контекстах [Berghammer, 2009].

Такая неоднозначность результатов заставляет исследователей предпринять следующий шаг — включить в анализ *культурное измерение*. Одним из инструментов его оценки выступает общий уровень рождаемости. Включение уровня рождаемости в модель как контрольной, а не зависимой переменной позволяет рассматривать его как индикатор доминирующих в стране норм рождаемости. В частности, те женщины, чьи родители были родом из стран с большим количеством детей, оказывались более склонны иметь и большее количество собственных детей [Fernández, Fogli, 2006]. При этом на примере США была продемонстрирована 30-летняя стабильность представлений в этой сфере. Это позволяет взять за основу построения модели женской фертильности намерения относительно рождений у девушек 20—24 лет [Hayford, Morgan, 2008]. Важным оказывается и факт, что детерминанты фертильности отличаются для высокофертильных и низкофертильных популяций [Bongaarts, 2001; Hayford, Morgan, 2008; Lutz, 1987]. И если для первых более актуальны факторы, связанные с социально-экономическим развитием (развитость контрацепции и пр.), то для последних на первый план выходит уже культурная составляющая.

Различия в режимах религиозной социализации

При изучении связи религиозности и рождаемости целесообразно учитывать не только показатели религиозности, но и социальные процессы, связанные с межпоколенной передачей религиозности, то есть процессы религиозной социализации [Sherkat, 2003]. Религия содержит определенный набор установок, норм и ценностей, в том числе связанных с рождением детей, которые передаются (приобретаются) в ходе социализации. В качестве ключевых агентов этого процесса, как правило, выделяют: семью, социальные сети друзей и родственников, религиозные организации (приходы, школы, НКО) [Гузельбаева, 2015; Пруцкова, 2015; Cornwall, 1988]. Под первичной религиозной социализацией понимается религиозное воспитание, полученное человеком в детстве, под вторичной — изменения установок, норм и ценностей в более позднем возрасте.

Логично предположить, что если религия усвоена рано, то она может оказать существенное воздействие на формирование норм, ценностей и дальнейший образ жизни человека. Влияние религиозного воспитания на формирование установок относительно деторождения велико и перевешивает даже эффект социально-экономических факторов [Berghammer, 2009; Pearce, 2002; Rijken, Liefbroer, 2009]. Важную роль играет также передача семейного опыта, модели детности родительской семьи [Baudin, 2015]. Так, на примере Франции было показано, что передача модели фертильности и семейно-ориентированных ценностей остается значимой и не ослабевает даже после добавления переменных религиозности. У К. Бергхаммер подобное влияние оказывает такой ненаблюдаемый фактор, как склонность к семейной жизни [Berghammer, 2009]. Однако в статье А. Рийкен и А. Лифброера показывается, что передача семейных ценностей и установок полностью опосредуется уровнем собственной религиозности детей [Rijken, Liefbroer, 2009].

Еще одним агентом первичной социализации служат религиозные организации. Дети, прошедшие обучение в религиозных школах, в среднем раньше вступают в брак и рожают первого ребенка, более ориентированы на создание семьи, стабильность брака и рождение нескольких детей [Постернак, 2019; Cornwall, 1988; Tevington, 2018; Uecker, Hill, 2014].

И. В. Забаев и соавторы [Забаев и др., 2013], а также Е. В. Пруцкова [Prutskova, 2019] показали, что ключевым фактором, объясняющим различия в силе связи религиозности и рождаемости, является уровень первичной религиозной социализации как характеристика социального контекста в стране, однако в этих исследованиях применялись только простые методы анализа данных — анализ таблиц сопряженности и линейный регрессионный анализ на уровне стран.

На основании обзора литературы могут быть сформулированы следующие основные гипотезы:

H0: Религиозность в целом положительно связана с рождаемостью, поскольку вероучение многих религий, в частности христианства или ислама, содержит «норму многодетности». Религия способна снижать ощущение неопределенности, и религиозные люди в большей мере включены в социальные сети поддержки.

H1: Связь между религиозностью и рождаемостью сильнее в странах, где население в целом более религиозно, поскольку в таких обществах религия является легитимным основанием для действия.

H2: Связь между религиозностью и рождаемостью сильнее в тех странах, где население в целом менее религиозно, поскольку в таких обществах религиозным людям приходится постоянно актуализировать свои отличающиеся нормы, ценности и образ жизни.

H3: Связь между религиозностью и рождаемостью сильнее в странах, где высок уровень первичной религиозной социализации, поскольку она представляет собой социальный механизм, посредством которого и осуществляется передача религиозных ценностей, норм и образа жизни.

Данные, методы

В статье представлены результаты анализа данных Европейского исследования ценностей (European Values Study, далее EVS) 1999 г., 2008 г. и 2017 г.¹ В исследовании задавался вопрос «Сколько у Вас детей?»². В целом по массиву 27 % респондентов указали, что у них нет детей, 19 % имеют одного ребенка, 33 % — двоих, 13 % — троих, 4 % — четверых и 3 % — пятерых и более детей (среднее количество детей — 1,6, дисперсия — 1,7). Поскольку эта переменная представляет собой количество, и дисперсия практически равна среднему, для построения многоуровневых моделей используется регрессия Пуассона. В качестве зависимой переменной выступает натуральный логарифм количества детей³.

¹ EVS Trend File 1981—2017. GESIS Data Archive, Cologne. ZA7503 Data file Version 2.0.0. <https://doi.org/10.4232/1.13736> (accessed: 08.11.2022).

² Переменная X011 в массиве EVS, в русской версии анкеты — «Скажите, пожалуйста, у Вас есть дети?». Вопрос задавался с дальнейшим уточнением, сколько детей живут вместе с респондентом и отдельно.

³ Интерпретация регрессионных коэффициентов (b) в данном случае следующая: при увеличении независимой переменной на 1 количество детей в модели увеличивается в e^b раз.

Для анализа были отобраны 39 стран (100 единиц анализа на макроуровне)⁴. Анализ проводился при помощи программы HLM 7.01. Пропущенные данные удалялись. Данные на индивидуальном уровне взвешивались таким образом, чтобы выравнивать количество опрошенных в разных странах⁵.

Многоуровневый регрессионный анализ позволяет включать в регрессионную модель данные на нескольких уровнях одновременно. Индивидуальный уровень представлен ответами отдельных респондентов на вопросы анкеты. На уровне страны мы агрегируем индивидуальные ответы, чтобы получить характеристики социального контекста в стране, а также используем данные государственной статистики, различные показатели социально-экономического развития страны и так далее.

В качестве независимых переменных все модели включают на индивидуальном уровне вероисповедание, показатель важности Бога в жизни респондента, а также частоту посещения религиозных служб, характерную для периода жизни, когда проводился опрос. Контрольные переменные включают социально-демографические характеристики и макропеременные, по результатам предыдущих исследований существенно влияющие на рождаемость.

По результатам обзора литературы мы включаем в модели три группы показателей макроконтекста, которые оказываются важными при анализе влияния религиозности на рождаемость:

1) развитость и сила религиозных институтов (выраженная в показателях общей религиозности населения и уровне первичной религиозной социализации в стране);

2) структурно-экономические макропоказатели, которые включают как общую оценку уровня развития в стране (ВВП, Индекс человеческого развития), так и развитость систем здравоохранения, образования и социальной поддержки (ожидаемая продолжительность жизни, доля женщин с высшим образованием, затраты на семейную политику);

3) социально-культурные показатели, которые могут задавать норму детности (коэффициент суммарной рождаемости).

В качестве индикатора для оценки получения респондентом первичной религиозной социализации мы выбираем посещение религиозных служб один раз в месяц или чаще в возрасте 12 лет. На уровне страны он измеряется как доля населения, посещавшего религиозные службы в возрасте 12 лет один раз в месяц или чаще. Частота посещения религиозных служб в возрасте 12 лет отражает

⁴ Единицей анализа на макроуровне является волна (период опроса) в определенной стране. Были отобраны единицы анализа, в которых задавался вопрос о частоте посещения религиозных служб в возрасте 12 лет, а также присутствовали вопросы, представляющие собой, по результатам предыдущих исследований, значимые для рождаемости факторы. Из анализа были исключены страны, для которых нам не удалось найти важные макропоказатели, а также страны, где высока доля представителей ислама (в оставшихся странах доля мусульман ниже 15%), поскольку некоторые используемые показатели религиозности и первичной религиозной социализации (частота посещения служб на момент опроса и в возрасте 12 лет) у мусульман нерелевантны для женщин. Из анализа была исключена Швеция 1999 г., так как отсутствуют данные о посещении служб в возрасте 12 лет (волны 2009 г. и 2017 г. в Швеции включены в анализ). Для Северной Ирландии не удалось найти некоторые важные макропоказатели, поэтому регион исключен из анализа. Из-за высокой доли мусульман среди населения исключены из анализа: Албания, Азербайджан, Босния и Герцеговина, Македония, Косово, Северный Кипр.

⁵ Веса стран для каждой модели вычислялись отдельно на основании количества респондентов без пропущенных значений. Для расчета весов данные разных волн в одной стране объединялись.

социализирующее воздействие семьи (в этом возрасте ребенок обычно посещает церковь с кем-то из взрослых членов семьи), а также религиозных организаций / Церкви. Вторым показателем религиозной социализации — обучение в религиозной школе: количество учащихся религиозных школ (на 1000 населения).

Модели включают четыре эффекта взаимодействия религиозных переменных:

1) между важностью Бога в жизни респондента на индивидуальном уровне и средней важностью Бога на страновом уровне (гипотеза H1 и H2);

2) между важностью Бога в жизни респондента на индивидуальном уровне и уровнем первичной религиозной социализации на страновом уровне (гипотеза H3);

3) между принадлежностью к вероисповеданию и образованием;

4) между частотой посещения религиозных служб и наличием первичной религиозной социализации на индивидуальном уровне.

В статье представлены результаты расчета ряда многоуровневых регрессионных моделей для различных наборов стран и независимых переменных⁶ (см. табл. 1). Модели 1—4 построены на базе максимального числа волн исследования в разных странах (100 единиц наблюдения на макроуровне). Здесь присутствует основной набор независимых и контрольных переменных индивидуального уровня, за исключением дохода, отличаются эти модели набором показателей макроуровня. Модель 1 включает на макроуровне только уровень первичной религиозной социализации и межуровневый эффект взаимодействия между важностью Бога в жизни респондента на индивидуальном уровне и уровнем первичной религиозной социализации на страновом уровне (проверка гипотезы H3). Модель 2 включает на макроуровне только среднюю важность Бога в стране и межуровневый эффект взаимодействия между важностью Бога в жизни респондента на индивидуальном уровне и средней важностью Бога на страновом уровне (проверка гипотез H1 и H2). Модель 3 включает все контрольные переменные макроуровня, за исключением коэффициента суммарной рождаемости, который добавляется в модели 4.

Модель 5 содержит полный набор переменных модели 4, к которому добавляется на индивидуальном уровне доход, а также эффект взаимодействия дохода и образования. Модель 5 построена на базе 99 единиц анализа на макроуровне (исключена Португалия за 2020 г., поскольку в массиве отсутствуют данные о доходе).

В модель 6 на макроуровне включаются данные о численности учащихся религиозных школ, а в модель 7 — о затратах на социальную поддержку семей (нам удалось найти эти данные не для всех стран и периодов, поэтому число единиц анализа на макроуровне здесь 82 и 72 соответственно). На индивидуальном уровне эти две модели содержат максимальный набор основных и контрольных переменных.

Результаты

Связь религиозности населения и рождаемости заметна в ряде стран, например, корреляция Пирсона между количеством детей и ответом на вопрос о важно-

⁶ Часть независимых переменных, особенно на макроуровне, в значительной степени скоррелированы, поэтому модели строились с их поочередным включением. В статье для экономии места представлены только несколько ключевых моделей.

сти Бога в жизни респондента в пятой волне EVS, проведенной в 2017—2020 гг., составляет 0,29 в Исландии и Литве, 0,27 в Испании и Финляндии, 0,25 в Польше и Португалии, 0,23 в Италии и Швейцарии ($p < 0,001$). В то же время в других странах (Армения, Грузия, Азербайджан, Черногория, Великобритания и др.) она практически не обнаруживается (коэффициент корреляции близок к 0). В России взаимосвязь между религиозностью и рождаемостью, по данным EVS, очень слабая ($r = 0,11$, $p < 0,001$).

Роль индивидуальных переменных

Модель включает показатели первичной религиозной социализации на индивидуальном уровне и частоту посещения религиозных служб на момент опроса (которая отчасти отвечает понятию вторичной религиозной социализации), и эффект взаимодействия между этими факторами. Нам удалось показать, что разные сочетания первичной (посещение религиозных служб в возрасте 12 лет раз в месяц и чаще) и вторичной (частота посещения религиозных служб на момент опроса) религиозной социализации оказывают разное влияние на рождаемость.

Регрессионные коэффициенты частоты посещения религиозных служб для большинства построенных моделей — незначимые, однако при этом обнаружен значимый положительный эффект взаимодействия между частотой посещения религиозных служб и наличием первичной религиозной социализации. Этот результат свидетельствует, что положительная связь между частотой посещения религиозных служб и рождаемостью проявляется только для респондентов, получивших первичную религиозную социализацию.

Таблица 1. Многоуровневые регрессионные модели, описывающие связь религиозности и рождаемости (нестандартизированные регрессионные коэффициенты)

Независимые переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7
Константа	-2,71***	-2,64***	-4,14***	-3,72***	-3,74***	-2,64***	-2,75***
Волна 4			-0,061	-0,079*	-0,076*		
Волна 5			-0,096*	-0,088*	-0,094**		
Уровень первичной религиозной социализации в стране	-0,151		-0,233*	-0,142*	-0,140*		
Средняя важность Бога в стране (0—9)		-0,027*	0,013	-0,006	-0,006		
Затраты на семейную политику (% ВВП)							0,071***
ВВП			0,000001	0,000001	0,000001		
Коэффициент суммарной рождаемости				0,259***	0,265***		

Независимые переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7
<i>Регион (контрольная группа — Западная Европа)</i>							
— Западная Азия			0,107	0,157*	0,169*		
— Восточная Европа			0,031	0,082*	0,088*		
— Северная Европа			0,099**	0,098***	0,110***		
— Южная Европа			−0,066	0,0004	−0,003		
Ожидаемая продолжительность жизни			0,018**	0,008	0,009		
Численность учащихся религиозных школ (на 1000 населения)						0,001***	
<i>Вероисповедание (контрольная группа — без вероисповедания)</i>							
— Католицизм	0,045**	0,051***	0,049***	0,048***	0,040*	0,031	0,021
— Протестантизм	0,061**	0,064***	0,057**	0,058**	0,047*	0,024	0,024
— Православие	−0,01	−0,013	−0,011	−0,009	−0,016	−0,047*	−0,091***
— Другое вероисповедание	0,116***	0,119***	0,118***	0,118***	0,105***	0,097***	0,059*
Частота посещения религиозных служб (0 = никогда, 7 = чаще, чем раз в неделю)	0,001	0,001	0,001	0,001	0,002	0,0002	0,008***
Важность Бога (0 = совсем не важен, 9 = очень важен)	−0,001	−0,010*	−0,012***	−0,012***	−0,012***	0,009***	0,008***
Важность Бога * Уровень первичной религиозной социализации в стране	0,023***		0,017***	0,018***	0,017***		
Важность Бога * Средняя важность Бога в стране		0,004***	0,003***	0,003***	0,003***		
Первичная религиозная социализация	−0,021*	−0,024*	−0,021	−0,02	−0,022*	−0,043***	−0,030**

Независимые переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7
Первичная религиозная социализация * Частота посещения религиозных служб	0,008**	0,009***	0,008**	0,008**	0,008**	0,012***	0,008**
Пол (1 = женщина, 0 = мужчина)	0,051***	0,050***	0,050***	0,050***	0,050***	0,057***	0,064***
Возраст (лет)	0,062***	0,062***	0,062***	0,062***	0,061***	0,059***	0,064***
Возраст ²	-0,0005***	-0,0005***	-0,0005***	-0,0005***	-0,0005***	-0,0005***	-0,0005***
<i>Семейное положение (контрольная группа — холост, никогда не состоял в браке)</i>							
— Женат/замужем	1,77***	1,77***	1,77***	1,77***	1,74***	1,71***	1,53***
— Незарегистрированный брак	1,55***	1,55***	1,55***	1,55***	1,50***	1,46***	1,28***
— Разведен	1,59***	1,59***	1,59***	1,59***	1,56***	1,53***	1,39***
— Разошлись	1,64***	1,64***	1,64***	1,64***	1,60***	1,58***	1,40***
— Вдовец/вдова	1,72***	1,72***	1,72***	1,72***	1,68***	1,65***	1,48***
<i>Доход (контрольная группа — средний доход)</i>							
Низкий доход					0,057***	0,054***	0,064***
Высокий доход					-0,039*	-0,033	-0,046***
Образование	-0,028***	-0,027***	-0,028***	-0,028***	-0,028***	-0,031***	-0,027***
Образование * Высокий доход					0,011***	0,010***	0,014***
Образование * Низкий доход					-0,013***	-0,014***	-0,023***
Полная занятость	-0,018*	-0,018*	-0,018*	-0,018*	-0,024**	-0,026**	-0,016
Полная занятость * Пол (женский)	-0,030**	-0,030**	-0,029**	-0,029**	-0,032**	-0,032*	-0,057***
Образование * Принадлежность к какому-либо вероисповеданию	-0,009**	-0,009**	-0,009**	-0,009***	-0,007*	-0,007*	-0,005
N (чел.) — индивидуальный уровень	136918	136918	136918	136918	114692	94782	83954
N (единиц наблюдения) — макроуровень	100	100	100	100	99	82	72

Независимые переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7
N (стран) — макроуровень	39	39	39	39	39	35	27
Лог. правдоподобия	-180783	-180404	-180112	-180117	-150149	-124561	-110536
AIC	361616	360857	360295	360306	300379	249177	221126

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Влияние первичной религиозной социализации на индивидуальном уровне оказалось неоднозначным: в зависимости от частоты посещения религиозных служб на момент опроса меняется знак при коэффициенте для наличия первичной религиозной социализации. Для респондентов, не посещающих религиозные службы на момент опроса, коэффициент отрицательный (например, $-0,02$ в моделях 1—5, $p < 0,06$), то есть при наличии первичной религиозной социализации нерелигиозные люди имеют меньше детей по сравнению с теми, кто не имел опыта первичной религиозной социализации. Иными словами, респонденты, отошедшие от религии, рожают меньше детей, чем те, кто ни в настоящее время, ни ранее не был активно практикующим последователем. Имеющиеся данные не позволяют делать выводов о направлении причинно-следственной связи, но интерпретация такого результата может заключаться в том, что респонденты, которым на основании детского и юношеского опыта оказался чуждым церковный образ жизни, включающий, помимо прочего, «норму многодетности», по мере взросления ограничивают посещение религиозных служб.

Для респондентов, регулярно посещающих службы, коэффициент для религиозной социализации становится положительным (для посещающих службы чаще одного раза в неделю он составляет $0,03$ в моделях 1, 3, 4 и 5, $p < 0,01$; $0,04$ в моделях 2 и 6, $p < 0,001$; $0,02$ в модели 7, $p < 0,05$). Иными словами, религиозные люди, получившие первичную религиозную социализацию, имеют больше детей, чем не имевшие опыта регулярного посещения религиозных служб в период взросления. Полученные нами результаты для регулярно посещающих религиозные службы согласуются с нашей основной гипотезой (H0) и уточняют ее: для того чтобы религиозность оказывала влияние на рождаемость, необходимо, чтобы работал социальный механизм, посредством которого передаются нормы церковного образа жизни, причем важной оказывается не только религиозность в настоящее время, но и присоединение к религии в период взросления. Наличие первичной религиозной социализации у религиозных людей (посещающих религиозные службы на момент опроса) является фактором, увеличивающим рождаемость.

Сравнение регрессионных коэффициентов для различных вероисповеданий показало, что религиозная аффилиация (за исключением православия), оказывает положительное влияние на рождаемость, но только в группе с низким уровнем образования. При повышении уровня образования этот позитивный эффект исчезает.

Эффект макроконтекста

Во всех построенных моделях устойчиво выделяется межуровневый эффект взаимодействия первичной религиозной социализации на уровне страны и важности Бога на уровне индивида. Это позволяет утверждать следующее: первичная религиозная социализация на макроуровне играет важную роль для объяснения межстрановых различий в силе связи между религиозностью и рождаемостью. Помимо этого средний уровень религиозности в стране (измеренный как средняя важность Бога) на макроуровне также положительно взаимодействует с важностью Бога на уровне индивида. Такие результаты свидетельствуют о том, что поддерживающий религиозный социальный контекст усиливает связь религиозности и рождаемости.

Общий эффект важности Бога состоит из основного эффекта этой переменной на уровне индивида и межуровневого эффекта взаимодействия с показателем первичной религиозной социализации и средней важности Бога в стране. Связь важности Бога и рождаемости в странах с наиболее низким уровнем первичной религиозной социализации (в нашей выборке он составляет 0,06 для России в 1999 г. и 2008 г.) и высокой степенью секуляризации (минимальный уровень важности Бога в стране составляет 3,6 балла в Швеции 2017 г.) — отсутствует (регрессионные коэффициенты статистически незначимы и близки к нулю). В то же время в странах с поддерживающим религиозным социальным контекстом (максимальный уровень составляет 8,2 балла в Грузии 2018 г. и Мальте 1999 г.) и высоким уровнем первичной религиозной социализации (0,98 на Мальте и в Ирландии в 1999 г.) значимые положительные эффекты взаимодействия существенно увеличивают силу связи важности Бога и рождаемости (коэффициент достигает уровня от 0,02 в моделях 1 и 2; 0,03 в моделях 3, 4 и 5, $p < 0,001$).

В модель 6 в качестве предиктора на макроуровне была включена численность учащихся религиозных школ (на 1000 человек). Это также показатель первичной религиозной социализации в стране, который оказывает положительное влияние на рождаемость.

Ключевой результат нашего анализа состоит в том, что в странах с низким уровнем первичной религиозной социализации (куда вошли в основном постсоциалистические страны, кроме Польши: Грузия, Латвия, Украина, Эстония, Белоруссия, Россия, Сербия, Болгария и др.) связь религиозности (важности Бога) и рождаемости имеет пологую форму, в то время как в группе стран с высоким уровнем первичной религиозной социализации и поддерживающим религиозным социальным контекстом (куда вошли в основном южноевропейские и западноевропейские страны: Испания, Италия, Португалия, Австрия, Швейцария, Люксембург, Нидерланды и др., а также Польша и Ирландия) угол наклона регрессионной прямой более крутой. Чем выше уровень первичной религиозной социализации и уровень религиозности в стране, тем сильнее положительная взаимосвязь индивидуальной религиозности и количества детей.

Контрольные переменные

Среди показателей макроуровня выделяется значимый эффект коэффициента суммарной рождаемости. Респонденты, проживающие в странах с высокой рождаемостью, и сами рожают большее количество детей (модели 4 и 5). С одной сто-

роны, здесь могут иметь место эффекты «заражения»: люди стараются соответствовать норме детности социального окружения, в которое они включены. С другой стороны, высокий вклад коэффициента суммарной рождаемости на макроуровне может быть обусловлен тем, что респонденты с большим количеством детей как раз и проживают в странах с высокой рождаемостью. Поскольку в литературе этот фактор выделяется как значимый, мы посчитали необходимым включить его в качестве контрольного, однако для того чтобы избежать проблемы эндогенности из-за двусторонней причинно-следственной связи, были также построены модели, не включающие этот показатель (например, модель 3). Результаты этих расчетов свидетельствуют об устойчивости других выявленных закономерностей.

Регионы, включенные в анализ, заметно отличаются по уровню рождаемости: он наиболее высок в Западной Азии, чуть ниже — в Северной Европе. Восточная Европа характеризуется еще более низкой рождаемостью, но также значительно отличается от Западной Европы в положительную сторону.

В литературе активно обсуждается влияние семейной политики на рождаемость. В построенных нами моделях затраты на семейную политику (в % ВВП) показали изменчивый эффект: в ряде моделей он обнаруживался и был положительным, мы привели такую модель в качестве примера (модель 7), — однако в некоторых конфигурациях он отсутствовал и даже был отрицательным, поэтому на данном этапе мы не можем с уверенностью утверждать, что этот эффект стабильный. Данный вопрос требует дальнейшего более глубокого изучения.

В качестве контрольных переменных на макроуровне также были включены ВВП и ожидаемая продолжительность жизни, однако значимого эффекта в итоговых моделях выявлено не было (в ряде промежуточных моделей оба показателя изредка имели небольшой положительный эффект). Мы предпринимали попытки включить в модель Индекс человеческого развития и уровень образования женщин в стране, однако и эти показатели оказались незначимыми.

Наличие партнера или супруга, возраст⁷ и женский пол положительно связаны с количеством детей. Полная занятость (особенно женская), образование и доход, как и ожидалось на основании предыдущих исследований, связаны с уменьшением количества детей, однако отрицательное влияние уровня дохода на рождаемость фиксируется только для людей с низким уровнем образования, в то время как при росте уровня образования доход начинает играть положительную роль.

Проведенный анализ имеет ряд ограничений. Модели строились на наборе стран и периодов, доступных для анализа в рамках Европейского исследования ценностей, которое включает в основном различные регионы Европы и небольшое количество стран Западной Азии. Фактически анализировалась только связь христианской религиозности и рождаемости, для распространения выводов на другие религии и страны, где высока доля мусульман или представителей других вероисповеданий, необходимы дальнейшие исследования. Вопрос, который задается в EVS для измерения количества детей, также налагает определенные ограничения, главное из которых — отсутствие возможности включить в анализ количество умерших детей.

⁷ Отрицательный коэффициент для квадрата возраста показывает нелинейный характер этой взаимосвязи, которая ослабевает и исчезает по мере старения.

Заключение

Наша базовая гипотеза о значении модерлирующих факторов социального контекста и религиозной социализации для усиления связи между религиозностью и количеством детей в семье в целом подтвердилась. Как интерпретировать данный результат, в том числе в отношении постсоветских стран с доминированием православного населения? Вероятно, есть несколько механизмов такого воздействия.

Во-первых, религия может влиять через восприятие населением транслируемых доктринальных учений о рождении детей и семейной жизни [Марков, 2020; Синельников, Медков, Антонов, 2009]. Можно предположить, что по мере ослабления религиозных норм брака и рождаемости на уровне обществ фактор религиозной социализации становится «стержневым» и отвечает за образ жизни молодых людей, связанный с браком и рождением большого количества детей вне зависимости от других сфер самореализации [Sherkat, 2000]. Важный вопрос — насколько религиозные институты и сообщества могут адаптировать или же адаптироваться под изменение светских моделей образования, занятости, домашней жизни, потребления — всего, что так или иначе связано с рождением и воспитанием детей. Возможно, именно этот фактор будет приводить к большему стиранию межконфессиональных границ: прошедшие религиозную социализацию католики, протестанты, православные будут иметь меньше различий в моделях рождаемости, чем остальные религиозные и нерелигиозные, поскольку принадлежат к «религиозному ядру», оставаясь при этом «белыми воронами» в секулярном обществе.

Во-вторых, имеет смысл говорить о механизме институционального влияния религии на рождаемость. Можно предположить, что религиозная социализация отвечает не столько за внешнее выражение ценности семьи и рождения детей, сколько за связь этих ценностей и действий, которая, как фиксируют демографы, является довольно слабой для постсоветских стран. Специфика постсоветских стран связана с разрывом между намерениями в области рождения детей и их реализацией — люди заявляют больше, чем потом реализуют [Тындик, 2012]. Несмотря на выражаемую большинством российского общества ценность семьи, она не всегда реализуется в конкретных действиях, если посмотреть на уровень рождаемости и соотношение браков и разводов [Тындик, 2012; Billingsley, 2010; Spéder, Kapitány, 2015]. В этом смысле разница между странами Западной, Центральной и Восточной Европы в объяснении рождаемости заключается не только в разном уровне социально-экономического развития, но и в разных моделях связи институтов религиозной социализации и рождения детей. Западноевропейские страны, считающиеся центром процессов секуляризации, до сих пор имеют значительные «очаги» институционального влияния религии на рождаемость, связанные с семейными и образовательными институтами (школами). Восточноевропейские и постсоветские страны, несмотря на наблюдаемый процесс «религиозного возрождения» в 1990-е и 2000-е годы, не сформировали развитые институты религиозной социализации, отвечающие за семейный образ жизни и отражающиеся в демографических моделях влияния религии на рождаемость.

В-третьих, переменная религиозной социализации аппроксимирует механизм влияния религии на рождение детей на приходском/общинном уровне [Забаев и др., 2013]. Фактор религиозной социализации, выраженный в регулярном по-

сещении храма в детстве или воспитании в религиозных школах, связан: а) с возможностью общения со священником и другими приходскими семьями в одной среде или сообществе, что отражается на семейном образе жизни [Емельянов, 2019; Gervais, Gauvreau, 2003; Praz, 2009; Somers, van Poppel, 2003]; б) с возможностью включения в сетевые материальные и эмоциональные сети поддержки приходских семей — религиозные общины могут снизить фактическую цену воспитания детей, предоставляя «клубные» социальные услуги, такие как детские сады, школы и медицинское обслуживание [Врублевская, 2016; Голева, 2019; Krause et al., 2001]. Во многих странах религиозные школы включены как в церковные институты, так и в приходскую жизнь, являясь результатом реализации низовых инициатив приходских семей.

Устойчивость установок в отношении рождения детей — то, к чему пытаются сегодня прийти многие правительства стран, предлагая различные финансовые и административные меры демографической политики. На примере России можно увидеть, что данные меры могут влиять на поддержку семей с детьми, компенсируя сокращение доходов и расходов, снижая уровень бедности домохозяйств и давая семьям ощущение стабильности. Как показали результаты оценки вклада мер фискальной демографической политики, они также могут играть определенную, хотя и несущественную роль в стимулировании новых рождений [Frejka, Gietel-Basten, 2016; Slonimczyk, Yurko, 2014]. Однако эти меры не могут быть источником устойчивой мотивации, поскольку не отвечают на вопросы о смысле рождения детей и супружеской жизни [Павлюткин, Голева, Борисова, 2021]. С этой точки зрения интересной для исследования динамики рождаемости представляется оценка совокупного влияния индивидуальных и социальных признаков религиозности, отвечающих за устойчивую мотивацию и среду для рождения и воспитания детей, а также мер социальной политики, которые отвечают за поддержку тех, кто эту мотивацию реализует на практике.

Список литературы (References)

- Борисова О. Н., Павлюткин И. В. Вариативность моделей современной городской многодетности: возрождение традиции, новые браки или сетевые эффекты? // Мир России. 2019. Т. 28. № 4. С. 128—151. <https://doi.org/10.17323/1811-038x-2019-28-4-128-151>.
- Borisova O., Pavlyutkin I. (2019) The Revival of Tradition, New Marriages or Network Effects: Variability of Models of Large Modern Urban Families. *Mir Rossii*. Vol. 28. No. 4. P. 128—151. <https://doi.org/10.17323/1811-038x-2019-28-4-128-151>. (In Russ.)
- Врублевская П. В. Круговорот детских вещей в приходской церкви: к вопросу о значении дарообмена // Религиоведческие исследования. 2016. № 1. С. 103—127. URL: <https://rrs-journal.ru/wp-content/uploads/2018/11/13.103-127.pdf> (дата обращения: 30.04.2023).
- Vrublevskaya P. (2016) Circulation of Children' Items in Christian Orthodox Parish: Observations to the Gift Exchange Theory. *Researches in Religious Studies*. No. 1. P. 103—127. URL: <https://rrs-journal.ru/wp-content/uploads/2018/11/13.103-127.pdf> (accessed: 30.04.2023). (In Russ.)

Голева М. А. Сетевые эффекты рождаемости: случай многодетных семей в России // *Экономическая социология*. 2019. Т. 20. № 3. С. 136—163. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-3-136-163>.

Goleva M. (2019) The Effects of Social Network on Fertility: The Case of Large Families in Russia. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 20. No. 3. P. 136—163. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-3-136-163>. (In Russ.)

Гузельбаева Г. Я. Агенты религиозной социализации в постсекулярный период: роль в трансформации ценностно-нормативной системы // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2015. № 4. С. 21—26.

Guzelbaeva G. Y. (2015) Agents of Religious Socialization in Postsecular Period and Their Role in the Transformation of Value System. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. No. 4. P. 21—26. (In Russ.)

Емельянов Н. Н. Значение семьи православного священника в пастырском служении: богословский подход // *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение*. 2019. № 82. С. 34—50. <https://doi.org/10.15382/sturi201982.34-50>.

Emeliyanov N. (2019) Significance of Family of Orthodox Priest in Pastoral Ministry: Theological Approach. *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*. No. 82. P. 34—50. <https://doi.org/10.15382/sturi201982.34-50>. (In Russ.)

Забаяев И. В., Мелкумян Е. Б., Орешина Д. А., Павлюткин И. В., Пруцкова Е. В. Влияние религиозной социализации и принадлежности к общине на рождаемость. Постановка проблемы // *Демоскоп Weekly*. 2013. № 553—554. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0553/analit03.php> (дата обращения: 25.12.2022).

Zabaev I., Melkumyan E., Oreshina D., Pavlyutkin I., Prutskova E. (2013) The Impact of Religious Socialization and Belonging to a Religious Community on Fertility. The Problem Formulation. *Demoscope Weekly*. No. 553—554. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0553/analit03.php> (accessed: 25.12.2022). (In Russ.)

Захаров С., Чурилова Е. Вероисповедание, религиозность и рождаемость в России. Есть ли взаимосвязь? // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2022. Т. 40. № 4. С. 77—104. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-4-77-104>.

Zakharov S., Churilova E. (2022) Fertility in Russia: Does Religion and Religiousness Matter? *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. Vol. 40. No. 4. P. 77—104. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-4-77-104>.

Карабчук Т. С., Кечетова А. П. Количество детей и семейные ценности: существуют ли когортные различия в Европе? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017. № 5. С. 251—270. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.14>.

Karabchuk T. S., Kechetova A. P. (2017) The Number of Children and Family Values: Are There any Cohort Differences in Europe? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 251—270. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.14>. (In Russ.)

Малева Т. М., Синявская О. В. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // SPERO. 2006. № 5. С. 70—98.

Maleva T. M., Sinyavskaya O. V. (2006) Social and Economic Factors of Fertility in Russia: Empirical Results and Challenges for Social Policy. *SPERO*. No. 5. P. 70—98. (In Russ.)

Марков Д. А. О христианской традиции и проблеме деторождения с точки зрения «Структуры теологических революций» М. Масса // Вопросы теологии. 2020. Т. 2. № 2. С. 250—261. URL: <https://theologyjournal.spbu.ru/article/download/7791/5725> (дата обращения: 09.03.2023).

Markov D. (2020) What is the Christian Tradition and the Problem of Childbearing from the Point of View of the “Structure of Theological Revolutions” by Mark Massa. *Questions of Theology*. Vol. 2. No. 2. P. 250—261. URL: <https://theologyjournal.spbu.ru/article/download/7791/5725> (accessed: 09.03.2023). (In Russ.)

Павлюткин И. В., Голева М. А., Борисова О. Н. Море жизни: Как рождаются многодетные семьи в современной России. М.: Изд-во ПСТГУ, 2021.

Pavlyutkin I., Goleva M., Borisova O. (2021) *The Sea of Life: How Large Families are Born in Modern Russia*. Moscow: PSTGU. (In Russ.)

Постернак А. В. Православная Школа мегаполиса в зеркале различных адресных групп // Этнодиалоги. 2019. № 1. С. 57—67.

Posternak A. (2019) Orthodox School in a Megacity Through the Eyes of Different Communities. *Ethnical Dialogues*. No. 1. P. 57—67. (In Russ.)

Пруцкова Е. В. Связь религиозности и ценностно-нормативных показателей: фактор религиозной социализации // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2015. № 3. С. 62—80. <https://doi.org/10.15382/sturi201559.62-80>.

Prutskova E. (2015) Association of Religiosity with Norms and Values. The Factor of Religious Socialization. *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*. No. 3. P. 62—80. <https://doi.org/10.15382/sturi201559.62-80>. (In Russ.)

Рощина Я. М. Роль религии в жизни россиян // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE) / Отв. ред.: П. М. Козырева. Вып. 8. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2018. С. 100—112. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1825-0_100-112.

Roshchina Ya. M. (2018) Religion and Its Role in Russian Life. *The Russian Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE)*. Vol. 8. Moscow: HSE. P. 100—112. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1825-0_100-112. (In Russ.)

Синельников А. Б., Медков В. М., Антонов А. И. Семья и вера в социологическом измерении (результаты межрегионального и межконфессионального исследования). М.: Книжный дом Университет, 2009.

Sinelnikov A. B., Medkov V. M., Antonov A. I. (2009) Family and Faith in the Sociological Dimension (Results of Interregional and Interfaith Research). Moscow: KDU. (In Russ.)

Тындик А. О. Репродуктивные установки населения в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 361—376. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3471> (дата обращения: 30.04.2023).

Tyndik A. (2012) Reproductive Attitudes and Their Realization in Modern Russia. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 10. No. 3. P. 361—376. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3471> (accessed: 30.04.2023). (In Russ.)

Adsera A. (2006) Religion and Changes in Family-Size Norms in Developed Countries. *Review of Religious Research*. Vol. 47. No. 3. P. 271—286. URL: https://journals.scholarportal.info/details/0034673x/v47i0003/271_racifnidc.xml (accessed: 30.04.2023).

Baudin T. (2015) Religion and Fertility: The French Connection. *Demographic Research*. Vol. 32. P. 397—420. <https://doi.org/10.4054/demres.2015.32.13>.

Berghammer C. (2009) Religious Socialisation and Fertility: Transition to Third Birth in the Netherlands. *European Journal of Population*. Vol. 25. No. 3. P. 297—324. <https://doi.org/10.1007/s10680-009-9185-y>.

Berman E., Iannaccone L. R., Ragusa G. (2018) From Empty Pews to Empty Cradles: Fertility Decline among European Catholics. *Journal of Demographic Economics*. Vol. 84. No. 2. P. 149—187. <https://doi.org/10.1017/dem.2017.22>.

Billingsley S. (2010) The Post-Communist Fertility Puzzle. *Population Research and Policy Review*. Vol. 29. No. 2. P. 193—231. <https://doi.org/10.1007/s11113-009-9136-7>.

Blekesaune M., Skirbekk V. (2022) Does Forming a Nuclear Family Increase Religiosity? Longitudinal Evidence from the British Household Panel Survey. *European Sociological Review*. Vol. 38. No. 6. jcac060. P. 1—13. <https://doi.org/10.1093/esr/jcac060>.

Bongaarts J. (2001) Fertility and Reproductive Preferences in Post-Transitional Societies. *Population and Development Review*. Vol. 27. P. 260—281. <https://doi.org/10.31899/pgy6.1015>.

Buber-Ennser I., Berghammer C. (2021) Religiosity and the Realisation of Fertility Intentions: A Comparative Study of Eight European Countries. *Population, Space and Place*. Vol. 27. No. 6. e2433. <https://doi.org/10.1002/psp.2433>.

Coleman D. (2004) Why We Don't Have to Believe without Doubting in The "Second Demographic Transition": Some Agnostic Comments. *Vienna Yearbook of Population Research*. Vol. 2. P. 11—24. <https://doi.org/10.1553/populationyearbook2004s11>.

Coleman D. A., Dubuc S. (2010) The Fertility of Ethnic Minorities in the UK, 1960s—2006. *Population Studies*. Vol. 64. No. 1. P. 19—41. <https://doi.org/10.1080/00324720903391201>.

Cornwall M. (1988) The Influence of Three Agents of Religious Socialization: Family, Church, and Peers. In: Thomas D. L. (ed.) *The Religion & Family Connection: Social Science Perspectives*. Provo, UT: Religious Studies Center, Brigham Young University. P. 207—231.

De la Croix D., Delavallade C. (2018) Religions, Fertility, and Growth in Southeast Asia. *International Economic Review*. Vol. 59. No. 2. P. 907—946. <https://doi.org/10.1111/iere.12291>.

Derosas R., van Poppel F. (eds.) (2006) Religion and the Decline of Fertility in the Western World. Dordrecht: Springer. <https://doi.org/10.1007/1-4020-5190-5>.

DeRose L. F. (2021) Gender Equity, Religion, and Fertility in Europe and North America. *Population and Development Review*. Vol. 47. No. 1. P. 41—55. <https://doi.org/10.1111/padr.12373>.

Fernández R., Fogli A. (2006) Fertility: The Role of Culture and Family Experience. *Journal of the European Economic Association*. Vol. 4. No. 2—3. P. 552—561. <https://doi.org/10.3386/w11569>.

Frejka T., Gietel-Basten S. (2016) Fertility and Family Policies in Central and Eastern Europe After 1990. *Comparative Population Studies*. Vol. 41. No. 1. P. 3—56. <https://doi.org/10.12765/cpos-2016-03>.

Frejka T., Westoff C. F. (2008) Religion, Religiousness and Fertility in the US and in Europe. *European Journal of Population*. Vol. 24. No. 1. P. 5—31. <https://doi.org/10.1007/s10680-007-9121-y>.

Gervais D., Gauvreau D. (2003) Women, Priests, and Physicians: Family limitation in Quebec, 1940—1970. *Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 34. No 2. P. 293—314. <https://doi.org/10.1162/002219503322649516>.

Götmark F., Andersson M. (2020) Human Fertility in Relation to Education, Economy, Religion, Contraception, and Family Planning Programs. *BMC Public Health*. Vol. 20. No. 1. P. 1—17. <https://doi.org/10.1186/s12889-020-8331-7>.

Guetto R., Luijckx R., Scherer S. (2015) Religiosity, Gender Attitudes and Women's Labour Market Participation and Fertility Decisions in Europe. *Acta Sociologica*. Vol. 58. No. 2. P. 155—172. <https://doi.org/10.1177/0001699315573335>.

Hayford S. R., Morgan S. P. (2008) Religiosity and Fertility in the United States: The Role of Fertility Intentions. *Social Forces*. Vol. 86. No. 3. P. 1163—1188. <https://doi.org/10.1353/sof.0.0000>.

Heaton T. (2011) Does Religion Influence Fertility in Developing Countries. *Population Research Policy Review*. Vol. 30. No. 3. P. 449—465. <https://doi.org/10.1007/s11113-010-9196-8>.

Heineck G. (2012) The Relationship Between Religion and Fertility: Evidence from Austria. *Homo Oeconomicus*. Vol. 29. No. 1. P. 73—94.

Herzer D. (2019) A Note on the Effect of Religiosity on Fertility. *Demography*. Vol. 56. No. 3. P. 991—998. <https://doi.org/10.1007/s13524-019-00774-6>.

Krause N., Ellison C. G., Shaw B. A., Marcum J. P., Boardman J. D. (2001) Church-Based Social Support and Religious Coping. *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 40. No. 4. P. 637—656. <https://doi.org/10.1111/0021-8294.00082>.

- Lutz W. (1986) Culture, Religion and Fertility: A Global View. IIASA Working Paper. WP-86—034. URL: <http://pure.iiasa.ac.at/2825/> (accessed: 09.03.2023).
- McQuillan K. (2004) When Does Religion Influence Fertility? *Population and Development Review*. Vol. 30. No. 1. P. 25—56. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2004.00002.x>.
- Mogi R., Esteve A., Skirbekk V.F. (2022) The Decline of Spanish Fertility: The Role of Religion. *European Journal of Population*. Vol. 38. P. 1333—1346. <https://doi.org/10.1007/s10680-022-09644-1>.
- Pearce L. D. (2002) The Influence of Early Life Course Religious Exposure on Young Adults' Dispositions Toward Childbearing. *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 41. No. 2. P. 325—340. <https://doi.org/10.1111/1468-5906.00120>.
- Peri-Rotem N. (2016) Religion and Fertility in Western Europe: Trends Across Cohorts in Britain, France and the Netherlands. *European Journal of Population*. Vol. 32. No. 2. P. 231—265. <https://doi.org/10.1007/s10680-015-9371-z>.
- Peri-Rotem N. (2020) Fertility Differences by Education in Britain and France: The Role of Religion. *Population*. Vol. 75. No. 1. P. 9—38. URL: https://www.cairn-int.info/article-E_POPU_2001_0009-fertility-differences-by-education-in.htm (accessed: 09.03.2023).
- Philipov D., Berghammer C. (2007) Religion and Fertility Ideals, Intentions and Behaviour: A Comparative Study of European Countries. *Vienna Yearbook of Population Research*. Vol. 5. P. 271—305. <https://doi.org/10.1553/populationyearbook2007s271>.
- Van Poppel F. (1985) Late Fertility Decline in the Netherlands: The Influence of Religious Denomination, Socioeconomic Group and Region. *European Journal of Population*. Vol. 1. No. 4. P. 347—373. <https://doi.org/10.1007/bf01797148>.
- Praz A. F. (2009) Religion, Masculinity and Fertility Decline: A Comparative Analysis of Protestant and Catholic Culture (Switzerland 1890—1930). *The History of the Family*. Vol. 14. No. 1. P. 88—106. <https://doi.org/10.1016/j.hisfam.2009.01.001>.
- Prutskova E. (2019) Religiosità e Natalità nei Paesi Europei. L'effetto del Contesto Sociale: “Tentazione Secolare”, “Socializzazione Religiosa Primaria” o “Difesa Religiosa”? (Sulla Base Dello European Values Study). In: *La Bellezza Della Famiglia in Italia e in Russia: Problemi e Soluzioni*. Livorno: Pharus Editore Librario. P. 132—138.
- Rijken A. J., Liefbroer A. C. (2009) Influences of the Family of Origin on the Timing and Quantum of Fertility in the Netherlands. *Population Studies*. Vol. 63. No. 1. P. 71—85. <https://doi.org/10.1080/00324720802621575>.
- Sherkat De (2000) “That They be Keepers of the Home”: The Effect of Conservative Religion on Early and Late Transitions into Housewifery. *Review of Religious Research*. Vol. 41. No. 3. P. 344—358. <https://doi.org/10.2307/3512034>.
- Sherkat D. E. (2003) Religious Socialization: Sources of Influence and Influences of Agency. In: Dillon M. (ed.) *Handbook of the Sociology of Religion*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 151—163. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511807961.012>.

Skirbekk V. (2022) New Times, Old Beliefs: Religion and Contemporary Fertility. In: Skirbekk V. *Decline and Prosper! Changing Global Birth Rates and the Advantages of Fewer Children*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 285—300. https://doi.org/10.1007/978-3-030-91611-4_15.

Slonimczyk F., Yurko A. V. (2014) Assessing the Impact of the Maternity Capital Policy in Russia. *Labour Economics*. Vol. 30. P. 265—281. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2014.03.004>.

Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. (2011) Economic Recession and Fertility in the Developed World. *Population and Development Review*. Vol. 37. No. 2. P. 267—306. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x>.

Somers A., van Poppel F. (2003) Catholic Priests and the Fertility Transition Among Dutch Catholics, 1935—1970. *Annales de Démographie Historique*. Vol. 106. No. 1. P. 57—88. <https://doi.org/10.3917/adh.106.0057>.

Spéder Z., Kapitány B. (2015) Influences on the Link Between Fertility Intentions and Behavioural Outcomes. Lessons from a European Comparative Study. In: Philipov D., Liefbroer A. C., Klobas J. E. (eds.) *Reproductive Decision-Making in a Macro-Micro Perspective*. Dordrecht: Springer. P. 79—112. https://doi.org/10.1007/978-94-017-9401-5_4.

Stark R. (1996) Religion as Context: Hellfire and Delinquency One More Time. *Sociology of Religion*. Vol. 57. No. 2. P. 163—173. <https://doi.org/10.2307/3711948>.

Terämä E. (2010) Regional Demographic Differences: The Effect of Laestadians. *Finnish Yearbook of Population Research*. Vol. 45. P. 123—141. <https://doi.org/10.23979/fypr.45057>.

Tevington P. (2018) “You’re Throwing Your Life Away”: Sanctioning of Early Marital Timelines by Religion and Social Class. *Social Inclusion*. Vol. 6. No. 2. P. 140—150. <https://doi.org/10.17645/si.v6i2.1397>.

Uecker J. E., Hill J. P. (2014) Religious Schools, Home Schools, and the Timing of First Marriage and First Birth. *Review of Religious Research*. Vol. 56. No. 2. P. 189—218. <https://doi.org/10.1007/s13644-014-0150-9>.